

В.Г. Васильевский

Труды

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В.Г. Васильевский**
Труды: Том 1 / В.Г. Васильевский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 411 с.

ISBN 978-5-4241-4789-0

ISBN 978-5-4241-4789-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ссылки на тексты, вошедшіе въ составъ Боннскаго корпуса византійскихъ историковъ, относятся вообще къ страницамъ этого корпуса. Тамъ, гдѣ представлялось цѣлесообразнымъ сослаться на другія изданія, сдѣланы соответствующія указанія.

Первое изъ вошедшихъ въ этотъ томъ изслѣдованій было подготовлено къ печати членомъ Коммисіи В. Э. Регелемъ; при изданіи тѣхъ частей второго, которыя основаны на источникахъ скандинавскихъ и грузинскихъ, существенную помощь оказали Коммисіи профессора Э. А. Браунъ и Н. Я. Марръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Византія и Печенѣги (1048—1094)	1
Приложенія.	
I. О Куманскомъ (Половецкомъ) словарѣ	118
II. Русскіе на Дунаѣ въ XI вѣкѣ	122
III. Теофилактъ Болгарскій и его сочиненія	134
IV. О посланіи императора Алексѣя Комнина къ графу Роберту Фландрскому	149
V. Объ испытаніи воли Божіей двумя жребіями	169
Іоаннь Продромъ митрополитъ Кіевскій	174
 Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ.	
I. Положеніе вопроса о византійскихъ Варангахъ и источники для его рѣшенія.	176
II. Варяги, отправленные въ Константинополь Владиміромъ, и первыя свидѣтельства исландскихъ сагъ о Норманнахъ, вступившихъ въ варяжскую дружину	181
III. Шеститысячный русскій корпусъ въ Константинополѣ съ 988 года	196
IV. Византійскіе Варанги 1034 года	210
V. Варяжскіе баснословные рассказы	221
VI. Пѣсни скальдовъ, какъ единственный историческій матеріалъ въ сагахъ для вопроса о Варягахъ	240
VII. Дѣйствительная исторія Гаральда и его Вэринговъ въ Кон- стантинополѣ	258
VIII. Норманы, Русскіе и Варяги въ Сициліи и Апуліи (1038— 1042)	288
IX. Нашествіе Русскихъ на Константинополь и Варяги 1047 года	303
X. Варяги и Франки во второй половинѣ XI вѣка	316
XI. Прямые доказательства существованія Варяго-Руси въ XI вѣкѣ	343
XII. Англичане на византійской службѣ въ видѣ Варяговъ.	355
 О Варяго-Руссахъ (Отвѣтъ Д. И. Иловайскому)	 378

ВИЗАНТІЯ И ПЕЧЕНЬГИ*).

(1048 — 1094).

(Посвящается Константину Николаевичу Бестужеву-Рюмину).

I.

Императоръ Василій II, знаменитый Болгаробойца, умирая ¹¹⁶ (въ 1025 г.), оставилъ Византійскую имперію на верху внѣшняго величія и силы. Въ кровавой борьбѣ низвергнута была въ прахъ славянская держава Самуила, и Византійская имперія снова простиралась до береговъ Дуная, какъ это было во время Юстиніана I. На востокъ Константинопольскія хоругви снова доходили до береговъ Евфрата, греческая власть была восстановлена въ Сиріи; властители Грузіи и Арменіи, напуганные успѣхами турецкаго оружія, добровольно передали въ руки византійскаго императора свою власть и свои столицы (Ани, Васпаруканъ). Усмиривъ возстаніе въ южной Италіи, Василій II хотѣлъ увѣнчать свои успѣхи великимъ подвигомъ на пользу христіанства; предъ своею смертію онъ занятъ былъ приготовленіями къ большому походу для изгнанія Сарациновъ съ острова Сициліи; разноплеменная византійская армія—Турки и Болгары, Валахи и Русскіе—уже стояла въ Реджіо и ожидала прибытія императора ¹⁾. Начатые переговоры съ Римомъ указывали на существованіе еще болѣе широкихъ плановъ, чѣмъ завоеваніе Сициліи.

*) <Журн. Мин. Нар. Пр. Часть 164 (1872 г.), Отд. II, стр. 116—165 и 243—332.>

1) *Annales Barenenses* sub ann. 1027 (годъ поставленъ невѣрно), MG. SS. V, 53: cum exercitu magno, id est Russorum, Guandalorum, Turcorum, Burgarorum, Vlachorum, Macedonum.

Все, что было сделано Василием II и его двумя достойными предшественниками — Фокой и Цимисхием, всё великие замыслы Василия, все это быстро рушилось при его преемниках. Какъ это уже не разъ бывало въ византійской исторіи, за эпохою 117 могущества и блеска послѣдовало съ удивительною быстротою самое глубокое паденіе.

Рядъ грубыхъ политическихъ ошибокъ былъ несомнѣнно сдѣланъ византійскими правителями, слѣдовавшими за Болгаробойцей. Благопріятное время для смѣлыхъ и великихъ предпріятій въ Сициліи и въ Италіи было пропущено. Къ планамъ Василия воротились только тогда, какъ обаяніе греческой побѣды при Каннахъ, гдѣ Русскіе помогли Византійцамъ разбить апулійскихъ инсургентовъ и первыхъ Норманновъ, пришедшихъ къ нимъ на помощь ¹⁾, уже давно исчезло. Попытка завоеванія Сициліи въ 1040 году, сначала все-таки успѣшная, рушилась позорнымъ образомъ, благодаря византійскому корыстолюбію, которое никогда не любило дѣлиться добычей съ союзниками и помощниками, которое въ томъ же самомъ году подняло возстаніе въ Сербіи и Болгаріи, благодаря той утонченной жестокости, соединенной съ глубокимъ презрѣніемъ къ человѣческому достоинству, которая допускала образованная Византія въ отношеніи и къ своимъ, и къ чужимъ. Тотъ искатель приключеній, которому греческій катапанъ велѣлъ выщипать бороду, предварительно избивъ его раздѣтое до-нага тѣло ременною плетью, возжегъ въ жителяхъ Мельфи «пламя неудовольствія, таившееся подъ пепломъ», и привелъ Норманновъ въ этотъ важный городъ, чѣмъ и положено было начало норманнскому завоеванію греческихъ владѣній въ южной Италіи. Братья Готвилы и самый знаменитый изъ нихъ Робертъ (Гвискаръ) начали свое поприще, ознаменованное такими чудесными успѣхами, и черезъ сорокъ лѣтъ уже грозили самому Константинополю.

1) De Blasiis, La insurrezione Pugliese I, 91. [A de mari hist., MG. SS. IV, 140: Richardo vero comite Rotomagi, filio Richardi, Normannos gubernante, multitudo eorum cum duce Rodulfo armati Romam, et inde conivente papa Benedicto Apuliam aggressi, cuncta devastant. Contra quos exercitum Basilius intendit, et congressione bis et ter facta, victores Normanni existunt. Quarto congressu cum gente Russorum victi et prostrati sunt. Cp. Pselli hist., Sathas Bibl. hist. med. aevi IV, p. 10.]

Распутное мотовство Константина IX и его набожное благочестіе, выражавшееся въ постройкѣ великолѣпныхъ храмовъ и щедрыхъ дотацияхъ Софійскому клиру, одинаково и совокупно помогали завоевательному движенію Сельджуковъ на азіатскомъ востокѣ. Въ то самое время, когда это движеніе начинало принимать грозныя размѣры, онъ, ради нуждъ своего истощеннаго казначейства, переложилъ военную повинность пограничныхъ зависимыхъ армянскихъ и грузинскихъ провинцій на денежную. Пятидесяти тысячъ превосходнаго ополченія, которое стало бы защищать свою родину со всѣмъ упорствомъ патріотическаго одушевленія, не существовало по винѣ византійскаго правительства. Совершенно справедливо находятъ въ этомъ непосредственную причину быстрыхъ успѣховъ турецкаго нашествія въ Азію.

Даже завоеваніе Болгаріи оказалось въ сущности большою 118 ошибкой и принесло громадный вредъ при той неспособности привязать къ себѣ славянское населеніе, которою отличалось какъ греческое чиновничество, такъ и греческое духовенство. Завоеваніе Болгаріи только нарушило ту систему византійскаго равновѣсія на сѣверѣ, которая нѣкогда приводила въ восторгъ кабинетную политическую мудрость Константина Багрянороднаго. Центромъ этого равновѣсія были Печенѣги, господствовавшіе въ X вѣкѣ между Днѣпромъ и Дунаемъ. Если Византія находится въ дружбѣ съ Печенѣжскою ордою, то, объясняетъ Константинъ Порфирогенитъ своему сыну, никто изъ ея враговъ не осмѣлится даже пошевелиться. Русскіе совсѣмъ не могутъ предпринять никакого похода внѣ своихъ границъ, если они не находятся въ мирѣ съ Печенѣгами; безъ позволенія Печенѣговъ они не могутъ приходиться въ Константинополь ни для торговли, ни съ войною. Мадьяры, столько разъ испытавшіе пораженіе отъ Печенѣговъ, продолжаютъ питать къ нимъ самую почтительную боязнь. Итакъ, если византійскій императоръ будетъ находиться въ мирѣ съ Печенѣгами, то ни Русскіе, ни Мадьяры не страшны для него, — они даже не посмѣютъ тогда просить слишкомъ большихъ подарковъ отъ Грековъ за свое мирное поведеніе. Иначе имъ можно погрозить Печенѣгами. То же самое и въ отношеніи Болгарскаго царства. Если византійскій императоръ хочетъ быть страшнымъ для Болгаръ, онъ легко достигнетъ

этого посредствомъ Печенѣговъ. Все это было такъ, пока Печенѣги сами не были сосѣдями имперіи, пока свободная Болгарія заслоняла византійскую державу отъ напирющаго изъ Азіи варварскаго міра. Когда отношенія измѣнились, когда плотина была не только прорвана, но совсѣмъ разрушена, — Византія оказалась такъ же мало способною удерживать волны турецкаго наводненія въ Европѣ, какъ и въ Азіи. Правда, что придунайская и черноморская Болгарія какъ будто истощилась и омертвѣла еще ранѣе борьбы Василя и Самуила; центръ тяжести болгарской державы Самуила былъ перенесенъ отъ Балканъ и Дуная на берега Охридскаго озера, въ Македонію и Албанію. Но города Дерстръ (Силистрія), Бдынъ (Видинъ), Месемврія все-таки сохраняли свое прежнее значеніе, они не сдѣлались бы такою легкою добычей Печенѣговъ и сбродной дунайской вольницы, если бы за ними оставалась живая народная сила, окончательно убитая только Болгаробойцей и византійскимъ управленіемъ. Если бы поля Болгаріи не обезлюдѣли послѣ византійскаго погрома, то не было бы необходимости дѣлать опыты неудачной колонизаціи съ дикими кочевниками.

Въ пустоту, которая образовалась послѣ разрушенія Болгарскаго царства, устремились сначала Печенѣги, потомъ Узы и Куманы (Половцы), тѣснившіе ихъ съ тыла ¹⁾. Тѣ и другіе были одинаково страшными врагами для Византійской монархіи XI и XII вѣковъ, не менѣе страшными, чѣмъ ихъ собратья Турки-Сельджуки въ Азіи. Вотъ какъ описываетъ печенѣжскіе набѣги на византійскія провинціи знаменитый церковный писатель XI вѣка, Теофилактъ Болгарскій: «Ихъ набѣгъ — ударъ молніи, ихъ отступленіе тяжело и легко въ одно и то же время: тяжело отъ множества добычи, легко — отъ быстроты бѣгства. Нападая, они всегда предупреждаютъ молву, а отступая, не даютъ преслѣдующимъ возможности о нихъ услышать. А главное — они опустошаютъ чужую страну, а своей не имѣютъ; если бы кто

1) [О Половцахъ и Печенѣгахъ см. Пл. Бурачковъ, Опытъ изслѣдованія о Куманахъ или Половцахъ. Записки Одесск. Общ. ист. и древн. X (1877), стр. 111 сл. Аристовъ, О землѣ Половецкой (историко-географическій очеркъ). Изв. Ист.-Филол. Инст. Князя Безбородко 1877, стр. 207 сл. П. Голубовскій, Объ Уззахъ и Торкахъ. Журн. М. Н. Пр. 1884. Июль, стр. 1 сл.]

былъ смѣлѣ Дарія Истаспа, если бы онъ навелъ мость на Истрѣ и сталъ искать Скивоовъ — все одно, онъ безумно погнался бы за недостижимымъ. Они спрячутся въ скалахъ, прикроются густотою лѣса, а онъ будетъ блуждать по горамъ и рощамъ, которыхъ дикая суровость уступаетъ только дикой натурѣ преслѣдуемыхъ; онъ будетъ зрителемъ той великой скивской пустыни, которая не осталась неизвѣстною и для пословицы. Если, вопреки природѣ вещей, онъ будетъ упорствовать, то и самъ погибнетъ, не столько заслуживъ сожалѣніе своимъ несчастіемъ, сколько осужденіе своимъ безразсудствомъ; а Скивы успѣютъ доказать, что они дѣти скалъ и дубовъ, будутъ наносить удары, сами имъ не подвергаясь, такъ что, по моему, если можно вѣрить мифамъ, тотъ Гигесъ, который металъ стрѣлы изъ мрака, самъ недоступный имъ, былъ никто другой, какъ Скиво. Жизнь мирная — для нихъ несчастіе, верхъ благополучія — когда они имѣютъ удобный случай для войны или когда насмѣются надъ мирнымъ договоромъ. Самое худшее то, что они своимъ множествомъ превосходятъ весеннихъ пчелъ, и никто еще не зналъ, сколькими тысячами или десятками тысячъ они считаются: число ихъ безчисленно»¹⁾.

Половцы или Куманы наслѣдовали въ XII вѣкѣ имя Скивоовъ, которое въ XI вѣкѣ исключительно принадлежало Печеньгамъ. Все то, что Теофилактъ Болгарскій говорилъ о Скивахъ XI столѣтія, все это Евстаоій Солунскій могъ сказать о Скивахъ XII вѣка. «Это народъ, не имѣющій прочнаго постояннаго пребыванія, не знающій осѣдлой жизни и потому не гражданственный. Всякою землей онъ стремится завладѣть, но ни одной не можетъ заселить, и посему—это народъ многоблуждающій (πολυπλάνητον). Это летучіе люди, и поэтому ихъ нельзя поймать. Они не имѣютъ ни городовъ, ни селъ, оттого за ними слѣдуетъ звѣрство (τὸ θηριώδες). Не таковы даже коршуны, плотоядный родъ и всѣмъ ненавистный; таковы развѣ грифы, которыхъ благодѣтельная природа удалила въ мѣста необитаемыя, точно такъ, какъ и Скивоовъ.

1) Изъ рѣчи Теофилакта къ императору Алексію Комнину: Λόγος εἰς τὸν αὐτοκράτορα κύριον Ἀλέξιον τὸν Κομνηνόν. Migne, Patrol. graeca t. 126, col. 287 — 306.

Волчьи обычаи воспитали такихъ людей: дерзкій и прожорливый, волкъ легко обращается въ бѣгство, когда появится что-нибудь страшное. Точно таковъ и народъ скиоскій; если онъ встрѣтитъ мужественное сопротивленіе, онъ озирается назадъ и обращается въ бѣгство. Въ одно и то же время онъ близокъ и уже далеко отступилъ. Его еще не успѣли увидѣть, а онъ уже скрылся изъ глазъ¹⁾).

Въ обѣихъ характеристикахъ, въ сущности, конечно, правдивыхъ, не мало византійской риторики. Не лишнее, поэтому, познакомиться съ болѣе точными замѣчаніями о бытѣ этихъ народовъ менѣе притязательнаго въ литературномъ отношеніи еврейскаго путешественника. Рабби Петахія видѣлъ Половцевъ во время своего путешествія изъ Регенсбурга въ Азію черезъ Польшу, Кіевскую Русь, Крымъ и т. д. около 1170 года. То, чтò онъ говоритъ о Половцахъ (жителяхъ страны Кедаръ), во многомъ относится и къ Печеньгамъ, единоплеменнымъ съ ними.

«Они (Половцы) не имѣютъ кораблей, но шиваютъ вмѣстѣ десять растянутыхъ лошадиныхъ кожъ и веревку, которая прикрѣпляется по краямъ кругомъ; они садятся на кожи, помѣщая тутъ же свои телѣги и весь багажъ. Потомъ они привязываютъ веревку на краю кожъ къ хвостамъ своихъ лошадей, которыхъ пускаютъ вплавать, и такимъ образомъ переправляются на другой берегъ». Византійскій писатель, который также говоритъ объ этомъ способѣ скиоской переправы, замѣчаетъ, что кожаные мѣшки, наполненные соломою, были всегда такъ хорошо сшиты, что въ нихъ не проникала ни малѣйшая капля воды²⁾).

«Хлѣба не употребляютъ въ пищу въ землѣ Кедаръ, но ѣдятъ рисъ и просо, сваренное въ молокѣ, а также молоко и сыръ. Они кладутъ, сверхъ того, куски мяса подъ сѣдло лошади, на которой ѣдутъ, и потомъ гонятъ ее, пока она не вспотѣетъ. Мясо дѣлается теплымъ, и они ѣдятъ его». «Печеньги и Куманы—

1) Изъ рѣчи Евстаѳіа къ Исааку Ангелу: Eustathii opuscula, ed. Tafel, p. 44. Евстаѳій, кажется, имѣлъ подъ рукою рѣчь Теофилакта: нѣкоторыя выраженія Теофилакта повторяются буквально въ дальнѣйшемъ описаніи Кумановъ, соединившихся съ Болгарами Петра и Асѣня. [Ср. Pselli hist., Sathas Bibl. IV, p. 247.]

2) Nicet. Choniât. p. 124. (ed. Bonn.). Также Niceph. Gregor. I, 37.